

Мысль о том, чтобы завести девушку, даже не приходила Чэнь Су в голову. Да и разве могла обратить на него внимание такая столичная штучка, как Лю Цин?

Сейчас на нем красовались брендовые вещи, от которых отказался Ван Цзюнь, но Чэнь Су не забывал, что он всего лишь селянин, и хотя жил теперь в городской квартире, к нему она не имела никакого отношения. Девушки вроде Лю Цин никогда бы не взглянули на такого, как он.

Вспомнив, как при расчете за такси он предложил заплатить за себя, Чэнь Су усмехнулся, представив окаменевшее лицо Лю Цин, отчетливо видное в зеркало заднего вида. Чэнь Су никогда не отличался щедростью. В школьные годы он жил на сто пятьдесят юаней в месяц: рис привозил из дома, на эти деньги покупал самое необходимое и еду. Каждый день приходилось считать каждую копейку. Чтобы купить тетрадь, нужно было экономить. Учеба в уездной школе тоже стоила недешево: родители дополнительно высылали по сто юаней в месяц на учебные расходы. Трех братьям, даже если очень экономить, требовалось еще семьсот-восемьсот юаней ежемесячно, не считая платы за обучение. Теперь же, когда он оказался в большом городе, расходы выросли вдвое. Чэнь Хао и Чэнь Кай были общительными и имели много друзей; стоило им раскошелиться на компанию, как потом им приходилось питаться одним рисом с редькой.

Щедрость должна подкрепляться финансовыми возможностями, а у Чэнь Су не было ни способности, ни средств, чтобы быть щедрым. Каждый фэнь, которым он располагал, был заработан его матерью, просиживавшей в своей лавчонке с раннего утра до поздней ночи. Когда на этот Новый год он ездил домой, по дороге то и дело попадались маленькие, но чистенькие магазинчики, и Чэнь Су невольно вспоминал свою мать. В ее волосах уже появилась седина, и в свои сорок с небольшим она выглядела старше пятидесятилетних горожанок. Что уж говорить об отце, который честно трудился на их двух му, отведенных семье для ведения подсобного хозяйства? С таким прошлым разве станешь ты транжирой?

Как, например, с душем: Чэнь Су мог позволить себе мыться каждый день, только живя здесь. Ведь это же лишние траты на электричество и воду! Дома он тратил деньги без зазрения совести: в конце концов, это же его дом, его семья. В будущем он оплатит родителям за все, обязательно оплатит! Но тратить деньги на посторонних? Нет уж, увольте.

Он сидел на скамейке, покрытой облупившейся краской, наслаждаясь дуновением ветерка, ласкавшим ивы на берегу озера, любясь синеющими вдали горами и бескрайней водной гладью. Утром туристов было немного – тишина и покой! Сердце его преисполнялось умиротворением.

- Чэнь Су, пошли! – окликнула его девушка, закончив есть и немного отдохнув. – Пойдем дальше!

Чэнь Су с удовольствием просидел бы так целый день, но, не желая выделяться, поднялся и не спеша пошел следом.

Как только часы пробили девять, туристы хлынули сплошным потоком. Пленка в фотоаппарате

быстро закончилась. Поскольку Чэнь Су тоже попал в кадр, он вызвался купить новую. Раз уж он тоже потратился, то позировать перед камерой было уже не так неловко.

Время летело незаметно. Летний дворец был огромным, с множеством достопримечательностей. Они фотографировались в самых знаменитых местах – на память о посещении этого императорского сада. Друзья в шутку предложили Чэнь Су и Лю Цин сфотографироваться вместе. Чэнь Су впервые в жизни поддразнивали таким образом, и, хотя он понимал, что это просто шутка, все равно был польщен: в конце концов, Лю Цин была самой красивой девушкой в их компании.

Все отправились на Остров Солнца и Луны, но Чэнь Су остался на берегу: слишком уж это расточительно. Красота красотой, но такие места – не для простых людей вроде него. Глядя на них, он чувствовал бы только зависть. Поэтому Чэнь Су распрощался с друзьями и пошел своей дорогой. Облегченно вздохнули, наверное, обе стороны.

Он гулял, где вздумается, отдыхал, где хотел, – Чэнь Су провел чудесный день, полный свободы. Когда стемнело, он с чувством глубокого удовлетворения вышел к остановке и минут двадцать ждал автобус. По дороге пришлось дважды сделать пересадку; один раз он сел не на тот автобус и потерял целый час, но это ничуть не омрачило его радостного настроения. Домой он добрался уже поздно.

Ван Цзюнь открыл дверь и, окинув взглядом комнату, с удивлением обнаружил, что Чэнь Су нет дома. Прошло уже почти два месяца с тех пор, как он приютил его у себя, и за все это время Чэнь Су, замкнутый и нелюдимый, ни разу не выходил погулять. Ван Цзюнь посмотрел на часы – стрелки показывали десять двадцать. Чэнь Су все еще не было.

Ван Цзюнь повесил куртку на вешалку и, нахмурившись, посмотрел на висевшую рядом одежду. Это, должно быть, он переделал позавчера – новый спортивный костюм, купленный Ван Цзюнем всего неделю назад, теперь в его глазах выглядел как половая тряпка. «Трудолюбие» Чэнь Су стоило ему очередной дорогой вещи. И это уже третья за месяц! Каждый раз Ван Цзюнь собирался сказать Чэнь Су, чтобы тот не стирал его вещи, но каждый раз забывал, поэтому винить Чэнь Су было нельзя.

Бросив ключи на полку для обуви, Ван Цзюнь покосился на новую обувную коробку – дешева с первого взгляда. Наверняка Чэнь Су купил. Его вкус вызывал у Ван Цзюня глубокое отвращение, но тот подавил желание выбросить коробку. Уж кому-кому, а ему-то жаловаться на безденежье! Дал ему денег – не берет, все записывает в свою дурацкую бухгалтерскую книгу. Вот кретин! Даже липовую смету составить не может! Как он вообще собирается выжить в этом жестоком мире? В прошлом месяце Лю Чжэньдун, желая подшутить над Чэнь Су, дал ему целую пачку денег – на первый взгляд, очень много – и попросил купить кучу всего. Потом они с Сун Вэем и Гао Юанем устроили пари, сколько Чэнь Су прикарманит. В итоге проиграли все: Чэнь Су вел учет расходов с точностью до фэня. И хотя упорство Чэнь Су вызывало у всех недоумение, с тех пор его стали считать за пустое место – не задевали и не насмехались. В своем роде уважение. Они навидались всякой грязи, в том числе и за собой, и Чэнь Су на их фоне казался чистым листом.

Ван Цзюнь был человеком аккуратным. Его квартира, как и он сам, не отличалась вычурностью, но была обставлена со вкусом и практично. Его друзья говорили, что квартира выглядит как шоу-рум в агентстве недвижимости: стильно, но безжизненно. Исключение составляла спальня – она совсем не походила на своего хозяина. Одеяло было скомкано, как неудавшаяся лапша, у изголовья кровати стояла грязная чашка из-под чая и валялась пачка самого дешевого жасминового чая.

«И чаем-то это не назовешь, скорее, молотые листья», – подумал Ван Цзюнь, подавив желание выбросить пачку, и швырнул ее в тумбочку у кровати Чэнь Су.

Возможно, сказалась привычка, выработанная за годы жизни в общежитии, но Чэнь Су любил читать в постели и, стоило кому-нибудь появиться в квартире, сразу же прятался в спальне. Ван Цзюнь стянул покрывало и в два счета снял пододеяльник. С тех пор как Чэнь Су в первый раз по его приказу взялся за стирку, Ван Цзюнь оставил всякую надежду на то, что тот будет содержать дом в чистоте. Чэнь Су не умел и не хотел заниматься домашними делами, да еще и был ужасным растяпой. Первый раз, когда он решил приготовить ужин, чуть не устроил пожар. Когда в первый раз стирал – устроил потоп. Хорошо еще, что Ван Цзюнь оказался дома, а то бы еще и током ударило. Ван Цзюнь бросил пододеяльник в сушильную машину, купленную специально для таких случаев. Если бы его приятели узнали, что в этом доме убирается он, его бы засмеяли. Но Ван Цзюнь ничего не мог с собой поделать: он терпеть не мог беспорядок.

Когда часы пробили одиннадцать, лицо Ван Цзюня потемнело. Человек, который, по его мнению, должен был всегда находиться в отведенном ему месте, оказался за пределами зоны его контроля. Выходит, этот человек способен двигаться, он независим, он может исчезнуть. Осознание этого факта было для Ван Цзюня крайне неприятным. За два месяца он привык к тому, что Чэнь Су всегда тихонько сидит дома, не болтает лишнего. Нельзя сказать, что он был умен, но и глупым его не назовешь. В нем чувствовалась какая-то старомодная гордость – может, и смешная, если учесть его мелочность и провинциальность. И все-таки, несмотря на всю свою заурядность, Чэнь Су был самим собой. Он не умел и не пытался льстить, его простота, его южный говор создавали обманчивое впечатление недалекости, но за ними чувствовалась какая-то внутренняя чистота. Возможно, именно это и располагало к нему Ван Цзюня: он сам не замечал, как расслаблялся рядом с ним и засыпал, не опасаясь подвоха.

Пока Ван Цзюнь был дома, Чэнь Су наконец-то вернулся. Для него Пекин был слишком большим, и вид огней большого города радовал его. Среди этих миллионов огней лишь один огонек светил сейчас специально для него. Стоя в давке в переполненном автобусе, Чэнь Су думал о том, удастся ли ему остаться в этом городе через два года. Он с надеждой смотрел в будущее: все-таки он учился в колледже, и через два месяца заканчивался первый курс. Будущее было уже близко.

Ближе к двенадцати часам ночи Чэнь Су принял душ и почистил зубы. Как он и думал, натер пятки: теперь несколько дней будет больно ходить. Ван Цзюнь был помешан на чистоте. Как-то раз Чэнь Су, чтобы не возиться, лег спать невымытым. Вернувшийся посреди ночи Ван Цзюнь вытащил его из постели и отправил в ванную. С тех пор Чэнь Су уже не позволял себе халтурить. Высушив волосы, он лег в постель. Мягкая постель казалась ему верхом блаженства.

<http://bllate.org/book/14261/1261329>